

«Всерьез говорят о «юной Франсуазе Саган из Екатеринбурга», пишут о «радикальной выходке, которая продолжает собой ряд эмансипирующих молодежных жестов»... В общем, событие».

В русскую литературу двадцатилетняя Ирина Денежкина не вошла, а ворвалась, как метеорит

ЛЮДОЕДКА И ПРОЧКА

ЧИТАТЕЛЬ

ной» в целом. Один из главных процессов – разрыв между литературой в целом и так называемой «актуальной» литературой, к которой относится то, что искусственно раскручено издателями, промоутерами и дилерами. Эта «актуальная» литература, как правило, упрощенное чтение, годящееся любому и не требующее умственных затрат при чтении, «массовая литература» в точном смысле слова.

В итоге происходит (и уже произошло) отсечение литературной классики и «сложной» литературы от корпуса «актуальной» литературы, которая съедается до десятка модных фамилий, выбранных издательствами. «Десятка» начинает оцениваться в полном и сознательном отрыве от всей литературы как ее сегодняшняя заместительница. Подразумевается, что сегодня, для «нового буржуа», Б. Акунин лучше Ф.М. Достоевского или Н.С. Лескова. Отсюда римейки (см. «Игру в классики», «МН», 2002, № 33). Отсюда жизнь «актуальной» литературы по законам шоу-бизнеса. Писательский труд трансформируется в проекты, которые начинаются и завершаются, исчерпываясь (так, например, уже исчерпали себя проекты Б. Акунина, Виктора Пелевина, Владимира Сорокина, Владимира Тучкова). Взамен завершенных новых проектов новые.

Вот именно таким проектом и явилась для «Нацбестселлера» Ирина Денежкина. «Фабрике звезд» постоянно нужны новые имена, и потому «массового читателя» без труда убедили, что открыта новая писательница, что «Дай мне!» лучше, положим, «Анны Карениной». Как выясняется, действительно нетрудно искусственными усилиями сделать Ирину на какое-то время и модной, и культовой, и кинуть на рынок десятитысячный тираж... Но как ни беишь, создать из пустоты нечто содержательное невозможно.

Людоедка Эллочка обходилась тридцатью словами. Студентка факультета журналистики Денежкина постаралась описать быт своей тусовки, последовательность нехитрых происшествий с мальчиками и девочками, обойдясь факти-

чески двумя «простыми движениями», описывающими «кто с кем» и «кто кого».

Первое движение: «На подоконнике сидели Маша Никонова и Костя Патрушев. Костя курил, а Маша задумчиво пила водку из бутылки. «Идем бухать! – весело сообщила Ирка, обняла Олесю за плечи. – Отдохнем по полной!» Прямыми следствиями этого движения являются рвота и мочеиспускание, каждый случай которых также тщательно фиксируется добросовестным автором.

Второе движение: «Но в ту ночь Антону было на все насрать, и он был пьяный донельзя. Светка тоже. Она села у его ног и расстегнула ему штаны». «Ты что будешь? Кофе? – Ляпа стоял посреди комнаты голый по пояс, растерянный и потный. Из штанов торчали трусы. Я хотела сказать: «Тебя»...»

Из этого и состоит «проза»: ОНА все время хочет ЕГО, а он медлит или увиливает. Для простоты им даже никто и ничего не мешает, свобода полная, нет «социальных препятствий» в виде, скажем, учебы или каких-то табу, исходящих от родителей, вся проблема биологическая – самки хотят, а самцы вялые и ленивые. Все остальное – в том числе воспитатели и родители – из описания выпало как несущественное. По стилю текст напоминает то ли внутренний монолог озабоченной телки, то ли бесконечные женские разговоры «о мужиках» («Я повесила трубку. Ну, блин, Ляпа! Ну сколько можно быть такой мертвой рыбой? Точнее, не мертвой, а мной не интересующейся. Как так? Да за мной любой парень побежит, только посмотри на него подольше...»). При большом желании сочинение Денежкиной можно квалифицировать как «физиологические очерки». Но сколько раз уже все это описывалось, с какой бородой весь этот «шокинг», как дешево он стоит! В оруэлловском новоязе такие писатели назывались «карандашами». Литературу из таких описаний поведения не сделать в принципе. Сетон-Томпсон какой-то, «Рассказы о животных».

И тут мы и сталкиваемся с самым важным свойством текста. Если, как

известно, рост людоедки Эллочка льстил мужчинам, то такая «проза» льстит читателям, которым трудно воспринимать текст, претендующий на «отвлеченный смысл». Здесь этого нет принципиально, и в этом главная ценность. Тем, кому не понять Достоевского или Гессе, можно предложить Денежкину.

Я, кстати, совсем не против этой по-детски неумелой «как-бы-прозы», лишь смешно оттого, что сделана попытка ЭТО обозвать литературой, а Денежкину – писателем. Если ЭТО и имеет отношение к чему-то «культуральному», то лишь к теле-шоу-бизнесу. Неслучайно безразмерные и скучные монологи, сводящиеся к лозунгу «дай мне!!!», так сильно напоминают немудрящую занудную передачу «Девичьи слезы», которую изготавливает фирма пресловутого Валерия Комиссарова. Неслучайно в книгу «Дай мне!» попали произведения и другого жанра, манифестирующие МЕРЗКОЕ.

«На площадке перед помойкой валялась, как трупик, старушка баба Аня, а толкавшиеся вокруг зеленые мужики рвали ее своими грязными ногтями, лизали, кусали, насиловали, хотя она уже была явно того... Слюни и кровь натекали в лужи, некоторые зеленые мужики слизывали это все...».

Предчувствую, что иностранцы примут эту детскую страшилку за фотографию с натуры. На первый взгляд, текст для Денежкиной неожиданный. На самом деле – вполне закономерный, если оценивать его в верном контексте. Ибо вспомним, например, шоу Романа Трахтенберга «Деньги не пахнут» на МузТВ. В самой первой передаче этого цикла, появившейся в эфире в Валентинов день 14 февраля, Трахтенберг (подражая американскому шоу, которое идет на MTV) предлагал двум оставшимся в финале участникам пить коктейль из молока, огуречного рассола, горчицы, перца и еще многих компонентов... Я думал, что в заключение Трахтенберг туда высморкается, однако ошибся, хотя и несильно. На самом деле Трахтенберг снял с себя носки, положил их в коктейль, размешал, после чего разлил напиток по стаканам (не

забыв в каждый положить по носку), а участники, юноша и девушка, быстро выпили по пол-литра, а потом еще... Вот из этой эстетики и растет рассказик Денежкиной о зеленых мужиках, лижущих кровь и слюни. «Мужики выжрали из бабы Аниного живота кишки, обкусали пальцы на руках и ногах. Один мужик оторвал нос и сосал его теперь», – пишет юная Франсуаза Саган. Привет вам, Ирина, от носков Романа Трахтенберга!

Кстати, есть еще один «верный контекст» – это детский фольклор, от которого тексты Денежкиной ушли совсем недалеко. «Зеленые мужики» прямо происходят из детских страшных историй (только здесь они именно «страшные», а у Денежкиной – именно «мерзкие»), равно как рукописные любовные рассказы девочек 10 – 16 лет породили любовные истории в «Дай мне!»: они лишь «переведены» на современный сленг с его ключевыми понятиями *трахать*, *блвять* и *блин*. И даже песни группы «BANDerлоги», цитаты из которых помещены в книгу, отсылают к текстам из альбомов детских колоний – чтобы в этом убедиться, достаточно почитать книгу «Русский школьный фольклор» (М.: Ладомир, 1998).

Так что, как видим, у книги Денежкиной есть все резоны быть культовой: сделана по правилам шоу-бизнеса, по-детски проста и наивна, лишена сложного отвлеченного смысла, активно рекламируется. В писательском полку опять прибыло.

Михаил ЗОЛОТОНОСОВ

Ирина Денежкина: писательского полку опять прибыло!

дебют

Книга Денежкиной под энергичным заглавием «Дай мне! (Song for Lovers)» сначала из интернетовских залежей попала в шорт-лист премии «Национальный бестселлер», потом была издана «Лимбус-прессом» и быстро стала модной, а вслед за тем и культовой. Сюжет о Денежкиной в покойной «Намедни» сделал модной и саму писательницу – эмансипе с купеческой фамилией. Говорят, что права на перевод проданы уже в десять стран. Всерьез говорят о «феномене Денежкиной», о «юной Франсуазе Саган из Екатеринбурга», пишут о «радикальной выходке, которая продолжает собой ряд эмансипирующих молодежных жестов»... В общем, событие.

Можно попытаться его вивисектировать. Тем паче что процессы, которые протекают сейчас в литературе, имеют прямое отношение и к свойствам этого «культового текста», и к «феномену Денежки-

Моск. новости - 2003 - 3 марта - с. 25